

В. М. СТАНЮКОВИЧ

МОРСКИЕ
РАССКАЗЫ

К.М.Станюкович. «Морские рассказы» //Издательство «Юнацтва», Минск, 1981
FB2: "Ustas ", 2006-08-02, version 1.0
UUID: E736CDC2-1314-4F58-8880-6C44378B233A
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Матросик
(«Морские рассказы» #0)

Содержание

#1	0006
I	0006
II	0012
III	0018
IV	0021
V	0025
VI	0027

**Константин Михайлович
Станюкович
Матросик
Из цикла «Морские
рассказы»**

Картина Ивана Савицкого и «Амфосико»
(Купица)

Двое суток русский военный клипер «Жемчуг» штормовал, как говорят моряки.

Двое суток он выдерживал жестокий ураган в Индийском океане, вблизи западного берега Северной Африки, встретив врага со спущенными стеньгами, под несколькими штормовыми парусами, с наглухо задраенными люками и с протянутыми на верхней палубе леерами.

Положение было серьезное.

В те ужасные долгие часы, когда ураган напрягал все свои силы, с диким воем потрясая мачты и завывая в трепыхавшихся снастях, и когда громадные, высокие и пенящиеся волны с бешенством нападали на маленький клипер со всех сторон, вкатываясь вершушками на палубу, и кидали его, словно щепку, готовые его поглотить, — в такие часы, казавшиеся вечностью, смерть витала перед глазами моряков. Эти водяные горы казались неминуемой общей братской могилой. И сердца даже бывалых и мужественных людей замирали в предсмертной тоске, хотя лица их

и были сурово-спокойны и напряженно-серьезны.

К вечеру вторых суток буря несколько затихла, и все на клипере радостно и благодарно вздохнули, понимая, казалось, с большой ясностью, от какой избавились опасности и как были близки к смерти.

Клипер, хорошо построенный, не особенно пострадал во время трепки. В нескольких местах волны проломали борт; офицерский катер и капитанский вельбот были сорваны с боканцев в океан — вот и всего.

Несмотря на то, что буря заметно стихала и «Жемчуг» был уже вне опасности, и капитан и старший штурман, видимо, чем-то озабоченные, оба с истомленными, осунувшимися и серьезными лицами, не сходили с мостика, тревожно вглядываясь в мрак наступившей ночи.

Казалось, теперь можно было бы поставить достаточно парусов и нестись со свежим попутным ветром к югу, но капитан — небольшой сухощавый человек лет под сорок, довольно сурового вида — вместо того приказал на ночь поставить только зарифленные

марселя, бизань и фор-стенъги-стаксель и держаться в крутой бейдевинд, чтобы клипер, так сказать, топтался на месте.

Такое решение принято было капитаном потому, что он не знал точно места, где находится в данное время «Жемчуг». В течение двух суток урагана солнце ни на минуту не показывалось, и, следовательно, нельзя было по высоте солнца определить широту и долготу места. Не видно было ни луны, ни звезд, по которым тоже возможно определить, как говорят моряки.

А между тем ураган мог отнести клипер к берегам Африки, берега же эти были негостеприимны. Много рифов и подводных мелей было около них, и «Жемчуг», избавившись от одной опасности, легко мог набежать на другую, едва ли не худшую.

И теперь ночь была темна. На подернутом облаками небе ни одной звездочки.

Среди этой тьмы клипер покачивался на волнах, все еще сердито разбивающихся о борта «Жемчуга», и вахтенный офицер, молодой мичман, то и дело вскрикивал часовым на баке:

— Вперед смотреть!

Нередко тоже раздавался его молодой звонкий голос:

— На марса-фалах стоять!

На эти предупреждающие окрики и часовые на баке и вахтенные матросы, стоящие у марса-фалов, тотчас же отвечали:

— Есть, смотрим! Есть, стоим!

— Все равно ничего не увидеть в этой проклятой тьме! — сердито проворчал капитан себе под нос, ни к кому не обращаясь.

И минуту спустя приказал вахтенному офицеру:

— Велите разводить пары!

— Есть!

Мичман послал рассыльного за старшим механиком и вслед за тем дернул ручку машинного телеграфа.

Капитан почти не спал двое суток, позволяя себе вздремнуть в своей каюте час-другой, во время которых на мостике капитана заменял старший офицер.

И теперь его жестоко клонило ко сну.

Но он простоял еще два часа, пока не были готовы пары, и только тогда решил сойти от-

дохнуть.

Перед уходом он тихо заметил старшему штурману, стоявшему у компаса:

— Береженого и бог бережет, Степан Степаныч!

— Совершенно верно-с, Иван Семеныч! — подтвердил старший штурман.

— И если, не дай бог, нанесет нас на мель...

Старший штурман угрюмо сплюнул и сурово сказал:

— Зачем наносить!

— Так все же машина поможет. Не так ли, Степан Степаныч?

Судя по тону голоса капитана, ему очень хотелось слышать от старого, опытного, много плававшего штурмана подтверждение своих слов, которым он и сам едва ли очень верил.

Что, в самом деле, могла сделать машина, да еще не особенно сильная, при таком свежем ветре и громадном волнении!

— Конечно-с! — лаконически ответил старший штурман.

Но его лицо, слабо освещенное светом, падавшим от компаса, старое, угрюмо-спокой-

ное лицо, густо поросшее седыми баками, по-видимому нисколько не разделяло надежд капитана на действительность помощи машины.

И, словно бы желая в свою очередь успокоить свою тайную тревогу и тревогу капитана, он прибавил:

— Положим, ураган жарил по направлению к берегу, но все же в начале урагана мы были в пятидесяти милях от берега и держались в бейдевинд... Вот, бог даст, завтра определимся... А теперь вам выспаться следует, Иван Семеныч!

— То-то очень спать хочется... Пойду вздремнуть.

И, обращаясь к вахтенному офицеру, громко и властно сказал:

— Хорошенько вперед смотреть!.. Как бы берега близко не было... Чуть что заметите, дайте знать!

— Есть! — ответил мичман.

Капитан ушел и, не раздеваясь, бросился, как был, в кожане поверх сюртука и в фуражке, на диван и мгновенно уснул.

Притулившись на баке у наветренного борта, кучка вахтенных матросов, одетых в кожаные, с зюйдвестками на головах, тихо лясничала.

Чей-то громкий и насмешливый голос говорил:

— Ну, разве не дурак ты, Матросик?! Как есть дурак!

Тот, кого звали Матросиком, тихо засмеялся и простодушно ответил:

— Дурак, значит, и есть.

— Да как же не дурак! Сидел бы теперь у себя дома, в деревне, а вместо того взял да и за другого на службу пошел... И хоть бы за деньги, а то дарма! Небось, ничего не дали?

— Такая причина была, — оправдывался Матросик.

— Нечего сказать, причина! Вовсе прост ты, вот и причина!

Тот, кого называли Матросиком, словно бы оправдываясь, проговорил:

— Этот самый парень, вместо которого я пошел, братцы, только что поженился и

очень приверженный к земле был мужик... Коренной в семье. Без его разор был бы. И так, братцы вы мои, убивались по нем отец с матерью да супруга, значит, евойная, что жалость взяла. Мне, думаю, что? Одинокий сирота, живу в работниках... Ну таким родом и явился я к барину и в ноги: «Дозвольте, мол, в некрута вместо Васьки Захарова!» Барин даже очень был доволен... Вот она, братцы, какая причина! — закончил Матросик.

Он проговорил эти слова необыкновенно просто, словно бы и поступок его был самый простой, и он не сознавал, сколько в нем было доброты и самоотвержения.

За эту бесконечную доброту и готовность помочь всякому на «Жемчуге» все матросы любили этого первогодка. Звали его не по фамилии — фамилия его была Кушкин, — а Матросиком, вследствие того, что Кушкин однажды, вскоре после назначения его на «Жемчуг», на вопрос боцмана: «Кто ты такой?», вместо того чтобы ответить: «Матрос второй статьи Илья Кушкин», простодушно ответил: «Матросик».

Так с тех пор на клипере его все прозвали

Матросиком.

И в самом деле, прозвище это подходило к Кушкину.

Это был маленького роста, худощавый, почти смуглый молодой паренек лет двадцати двух-трех, с пригожим жизнерадостным добрым лицом, главным украшением которого были большие темные глаза, полные какой-то чарующей ласки и привета. Когда Матросик улыбался, широко раскрывая свой рот с красными сочными губами и показывая ослепительно белые зубы, то невольно улыбались и те, на кого он смотрел.

Вся его маленькая фигурка была ладная и необыкновенно располагающая. Ходил он всегда веселой и легкой походкой и любил одеваться аккуратно и опрятно. Даже его желтоватого цвета руки с тонкими, слегка искривленными пальцами не были пропитаны смолой и грязны, как у других матросов. Матросик, видимо, щеголял опрятностью.

Уроженец одной из северных губерний, Илья Кушкин еще с отрочества плавал по бурному Ладожскому озеру и, поступивши в матросы и затем назначенный в кругосветное

плавание на «Жемчуг», скоро сделался хорошим и исправным матросом.

Когда Матросик окончил свой рассказ, кто-то из кучки спросил:

— Так тебе, Матросик, ничего и не дали за твою простоту?

— Предлагали, братцы. Пятичницу давали.

— А ты не взял?

— То-то не взял. Бедные мужики эти Захаровы... Как с их взять? Однако угощение принимал — страсть угощали, братцы! А молодая баба, Васькина жена, так та мне две рубахи ситцевые справила. «Вовек, — говорит, — не забуду, Илья, что ты моего мужика при мне оставил». Небось, люди добро помнят.

С мостика то и дело раздавались окрики вахтенного офицера. То он командовал: «Вперед хорошенько смотреть», то: «На марса-фалах стоять».

Эти частые и громкие окрики среди ночной тишины несколько раздражали матросов.

— И чего это мичман зря суется да глотку дерет! — заметил кто-то.

— А может, не зря, — промолвил Матро-

сик.

— Коли встречных судов боится, все равно не увидишь скоро. Слава богу, хоть штурма прикончилась, а все-таки нехорошая ночь! — раздался чей-то голос.

— То-то вахтенный и опасается, что ночь!.. И пары по той же причине... И ходу нам нет! — сказал Матросик.

— По какой причине?

— А по той самой, братцы, что неизвестно, в какие места нас буря занесла. Вот он и опаску имеет. В море, братцы, завсегда надо опаску иметь. Я хоть и по озеру ходил, а бога приходилось-таки часто вспоминать! — проговорил Матросик.

С этими словами он повернул голову к океану и стал зорко всматриваться вперед, в покачивавшийся на волнах клипер.

Смотрел Матросик минут пять — десять и вдруг крикнул неестественно громким голосом.

— Бурун под носом!

— Марса-фалы отдать!.. — тревожно командовал вахтенный мичман.

Марсея бесшумно упали, и в то же мгно-

вание «Жемчуг» остановился, врезавшись в гряды, и беспомощно стал биться, словно птица, попавшая в силки.

Капитан мгновенно проснулся и через минуту был на мостике. Старший офицер и старший штурман были там же. Все офицеры и все матросы, наскоро одевшись, выскочили наверх.

Клипер било жестоко о камни, и машина, работавшая полным ходом, не могла его сдвинуть с места. Видно было, что «Жемчуг» засел плотно.

Все были в подавленном состоянии.

Ветер дул свежий, и волны кружились вокруг клипера. Кругом кромешная тьма.

Прошло бесконечных десять минут, и снизу дали знать, что течь увеличивается. Пущены были в ход все помпы, но вода тем не менее все прибывала. Положение было критическое, и не было никакой возможности высвободиться из него. И помощи ожидать было не от кого.

Однако на всякий случай зарядили орудия, и через каждые пять минут раздавались выстрелы, разносившие по океану весть о бедствии.

Но никто этих выстрелов, казалось, не слышал.

Верхняя и нижняя палубы осветились фонарями. Молчаливые и сосредоточенно-серьезные матросы торопливо вытаскивали рангоут, разные вещи. У денежного сундука, вынесенного из капитанской каюты, стоял часовой.

Несмотря на работу всех помп, клипер постепенно наполнялся водой через полученные пробоины от ударов о камни гряды, в которой он засел. О спасении клипера нечего было и думать, и потому по приказанию капитана принимались меры для спасения людей и для обеспечения их провизией.

Но ночью, при громадном волнении, спустить шлюпки и посадить на них людей было бы безумием. Приходилось ждать рассвета.

И в голове каждого моряка, несмотря на спокойные, по-видимому, голоса капитана и старшего офицера, отдававших приказания, проносилась ужасная мысль:

«Не исчезнет ли „Жемчуг“ в волнах до рассвета?»

Наконец забрезжило, и из сотни человече-

ских грудей вырвался крик радости. Громкое «ура» разнеслось по океану, споря с ревом ветра и гулом бурунов.

Высокий, казалось, отвесный, берег неясными контурами выделялся близко, совсем близко. Между ним и грядой, на которой бился «Жемчуг», было не более пятидесяти сажен.

Но радость быстро сменилась отчаянием. Ветер не стихал; волны с грозным ревом разбивались о берег. Буруны пенились вокруг «Жемчуга». Все поняли, что спасение на шлюпках невозможно.

И близкий берег казался недостижимым, а смерть — неминуемой.

Выстрелы о помощи раздавались по-прежнему, но не вселяли надежды, хотя и привлекли на берег кучку арабов, которых можно было рассмотреть в бинокли.

Но что они могли сделать? Как помочь?

IV

Рассвело.

Утро было серое и печальное. Низкие темные тучи заволакивали небо. Ветер не стихал. Волны по-прежнему были громадны.

«Жемчуг» по временам трещал от ударов, но еще держался на воде.

Бледный, казавшийся стариком капитан, не сомневавшийся почти, что жена и трое его детей, оставшихся в Кронштадте, сегодня сделаются сиротами, все-таки не показывал ни перед кем своего отчаяния и распоряжался, словно бы надеялся на спасение.

И он обошел палубу и говорил, ободряя матросов:

— Скоро ветер стихнет, и мы на шлюпках доберемся до берега. Не робей, молодцы ребята!

И «молодцы ребята» как будто верили — так им хотелось верить! — и отвечали:

— Рады стараться, вашескобродие!

Вернувшись на мостик, капитан сказал старшему офицеру:

— Если бы конец подать на берег и на этом

конец укрепить канат!.. Это единственная возможность спасти людей. Но как подать? Шлюпку немедленно зальет. Ветер не стихает. Барометр падает.

— Разве вплавь, Иван Семеныч?

— Вплавь? Но кто решится? Это верная гибель. Если чудом и доплывет, то разобьется о камни... Весь берег ими усеян... Но, во всяком случае, надо попробовать... Арабы могут перехватить конец, и тогда мы спасены. Прикажете поставить людей во фронт. Я вызову охотников.

Когда люди выстроились, капитан подошел к фронту и, объяснив, в чем дело, крикнул:

— Есть ли охотники выручить всех нас, ребята? Если есть, выходи.

Никто не шелохнулся. Всякий с ужасом взглядывал на пенистые волны, гребешки которых вкатывались на палубу.

Только маленький чернявый Матросик вышел из фронта, решительно подошел к капитану и, застенчиво краснея, проговорил:

— Я желаю, вашескобродие!

— Ты, Матросик? — удивленно воскликнул

капитан, невольно оглядывая маленькую, тщедушную на вид фигурку Матросика.

— Точно так, вашескобродие.

— Куда тебе!.. Ты сейчас же утонешь!

— Не извольте беспокоиться, вашескобродие... Я к воде способен. Плаваю, вашескобродие!

— И хорошо?

— Порядочно, вашескобродие! — скромно ответил Матросик, бывший превосходным пловцом.

— Но ты знаешь, чем рискуешь?

— Точно так, вашескобродие!

— И все-таки желаешь?

— Буду стараться, вашескобродие! Как для людей не постараться! — просто прибавил он.

— Ты будешь нашим спасителем, если по-дашь конец... От имени всех спасибо тебе, Матросик! — проговорил взволнованно капитан.

Матросик разделся догола, одел пробковый пояс и обвязался концом.

Когда все было готово, он низко поклонился всем и дрогнувшим голосом произнес:

— Прощайте, братцы!

— Прощай, Матросик!

Все смотрели на него как на обреченного.

Он бросился в волны.

Все бинокли и подзорные трубы были устремлены на бесстрашного пловца. Голова его в виде черной точки то показывалась на гребнях, то исчезала между волнами.

— Молодец! Хорошо плывет! — говорил про себя капитан, не отрывая глаз от бинокля.

Действительно, Матросик плыл хорошо, подгоняемый попутной волной... Уже близко. Несколько размахов — и он у берега. Арабы ему что-то кричат, указывая вправо от взятого им направления. Но он ничего не понимает, довольный и радостный, что сейчас доплывет, укрепит к берегу конец и люди будут спасены.

Но вдруг набежавшая волна с силой бросает Матросика, и он всей грудью ударяется о прибрежный острый камень.

Ужасная боль и слабость мгновенно охватывают его. К нему подбегают арабы, и он им указывает на конец уже потускневшими глазами.

Смерть Матросика была почти моменталь-

ная.

VI

А рабы вытащили труп Матросика на песок и стали вытягивать конец.

Через полчаса за одну из скал, правее, был прикреплен канат, и по этому канату стали переправляться с «Жемчуга» люди. К полудню ветер заметно стих, так что возможно было продолжать переправу при помощи каната на шлюпках.

Когда все переправились на пустынный берег, капитан, указывая на труп маленького чернявого Матросика, сказал:

— Вот кто пожертвовал собою, чтобы спасти нас, братцы!

И, обнажив голову, приложился к покойнику.

Все крестились и отдавали последнее целование Матросику.

А в это время «Жемчуг» исчезал под волнами.